

УДК 343.10

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВОСУДИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

А. Ю. Астафьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2011 г.

Аннотация: статья посвящена процессуальным гарантиям правосудия. Автор анализирует развитие данного понятия в науке. Рассматривается влияние процессуальных гарантий на эффективность судебной деятельности.

Ключевые слова: гарантии правосудия, уголовно-процессуальная деятельность, эффективность правосудия, критерии эффективности.

Abstract: the article is devoted to procedural guarantees of justice. The author analyses the development of that concept. A special attention is given to the influence of procedural guarantees on efficiency of justice.

Key words: guarantees of justice, criminal procedural activities, efficiency of justice, criteria of efficiency.

Вопросы эффективности правосудия неразрывно связаны с проблемой определения сущности и структуры процессуальных гарантий. Без ее четкого осмысления эффективность правосудия превращается в абстрактную эфемерную идею, реализация которой неосуществима. Сложность обозначенной проблемы прежде всего в том, что в понимании процессуальных гарантий отсутствует единый методологический подход, а спектр дефиниций и толкований весьма различен.

Классическим можно считать данное М. С. Строговичем понятие процессуальных гарантий, как установленных законом средств и способов, которые обеспечивают правильность расследования и разрешения уголовных дел¹. Данная формулировка, лежащая в основе всех позднее предложенных в науке дефиниций процессуальных гарантий, распадается на две равнозначные составляющие: телеологическую (указание на целевое назначение гарантий) и диалектическую (указание на связь процессуальных средств и способов). «Весь уголовный процесс, – писал М. С. Строгович, – *должен быть построен* (здесь и далее курсив наш. – А. А.) так, чтобы для следствия и суда были созданы необходимые условия, содействующие нахождению истины и противодействующие ошибкам»². Спорными, однако, представляются утверждения М. С. Строговича (и вслед за ним многих других ученых) о том, что *все* процессуальные формы и средства имеют целью гарантировать правильность осуществления

¹ См.: Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947. С. 152.

² Там же. С. 152.

© Астафьев А. Ю., 2011

правосудия³; соответственно и *вся* уголовный процесс есть система процессуальных гарантий. Аналогичным образом высказывалась В. И. Каминская, по мысли которой использование *каждого* процессуального правила гарантирует выполнение судом возложенных на него задач и потому является гарантией правосудия⁴. Такой подход, видимо, можно приписать некоторой идеологизированности мышления, уверенности в непогрешимости законодателя и суда. Процессуальные гарантии при этом необоснованно сводятся к соблюдению режима законности, вдобавок презюмируется наличие совершенного законодательства и его безошибочного применения. В то же время очевидно, что для правильного понимания сущности процессуальных гарантий одинаково важно учитывать как качество самих правовых норм, так и эффективность процесса их реализации.

С точки зрения целевого назначения, подавляющее большинство ученых разделяет процессуальные гарантии на гарантии правосудия и гарантии прав личности, при этом придерживаясь различных взглядов по поводу их соотношения. Впрочем, некоторые выступали за сохранение целостности данного понятия. Одни авторы полагали, что выделение гарантий прав личности как особого вида гарантий не находит ни теоретического, ни практического оправдания⁵. Другие же, напротив, считали, что процессуальные гарантии – это гарантии прав личности, а создавать понятие процессуальных гарантий правосудия нет оснований⁶. Возражая против концепция единства гарантий личности и правосудия, Я. О. Мотовиловкер справедливо отмечал, что она, по сути, снимает всю проблему процессуальных гарантий, сводя ее к положению о том, что в уголовном процессе действуют нормы, институты и принципы, которые надо соблюдать⁷. В настоящее время за гарантиями правосудия и гарантиями прав личности признается относительная самостоятельность⁸.

В науке неоднократно подчеркивалось, что процессуальные гарантии – функциональное понятие, т.е. понятие, указывающее на то, какую функцию выполняет тот или иной институт, какой цели он служит⁹. Рассмат-

---

³ См.: *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. С. 154 ; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I. С. 56.

⁴ См.: *Каминская В. И.* В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1950. № 5. С. 47.

⁵ См.: Там же. С. 54.

⁶ См.: *Цыпкин Л. А.* Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 22.

⁷ См.: *Мотовиловкер Я. О.* О гарантиях интересов личности и правосудия // Сов. государство и право. 1974. № 6. С. 102 ; *Его же.* Основной вопрос уголовного дела. Воронеж, 1984. С. 54.

⁸ См., например: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 212 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2006. С. 11 ; и др.

⁹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. И. Л. Петрухина. С. 11 ; *Боброва Н. А.* Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 91.

ривая процессуальные гарантии с позиций кибернетики, А. И. Трусов характеризовал их как средства, обеспечивающие создание своего рода надежной системы из не вполне надежных элементов. Сущность их, на его взгляд, состоит в том, что они: 1) способствуют повышению надежности соответствующих элементов, из которых создается система; 2) обеспечивают резервирование отдельных элементов и подсистем, создавая параллельные соединения элементов или подсистем информации, повышающие надежность работы отдельных «узлов» системы, а следовательно, и всей системы в целом¹⁰.

Безусловно, процессуальные гарантии нельзя сводить к какому-либо однозначному толкованию. Их рассмотрение в разных аспектах в большей степени будет содействовать совершенствованию средств, обеспечивающих реализацию общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве¹¹. Н. И. Капинус объединяет суждения, высказанные относительно процессуальных гарантий, в три группы: 1) правовые гарантии рассматриваются как нормы права, устанавливающие процессуальные средства обеспечения; 2) правовые гарантии отождествляются с деятельностью по реализации норм; 3) правовыми гарантиями считаются как нормы права, так и их реализация. Сам же автор, соглашаясь с мнением, что закон является основой правовой деятельности, а деятельность – средством осуществления закона, обоснованно отрицает возможность существования двух самостоятельных видов гарантий¹².

Интересную трактовку процессуальных гарантий предложила Л. А. Кротова, определившая *процессуальные гарантии достижения задач судопроизводства* как наиболее широкое понятие, которое включает в себя процессуальные гарантии правосудия и гарантии объективной истины. Процессуальные гарантии рассматриваются ею как правовой механизм, выражающийся в совокупности предусмотренных законом средств (как нормативной основы) и определяемых на их основе способов (как действий по реализации последних), в единстве обеспечивающих реальное достижение задач уголовного судопроизводства, предупреждение возможных нарушений, а также своевременное их выявление и устранение¹³.

---

¹⁰ См.: Трусов А. И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и права. М., 1967. С. 34.

¹¹ См.: Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1984. С. 73.

¹² См.: Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 135–138 ; см. также: Маркина Е. А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15 ; и др.

¹³ См.: Кротова Л. А. Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы советского права. Казань, 1985. С. 107–108. Выделяя гарантии объективной истины, Л. А. Кротова, по существу, продолжает традицию М. С. Строговича, первым написавшего о гарантиях материальной истины в уголовном судопроизводстве (см.: Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. С. 163).

Такой подход к процессуальным гарантиям, при котором данная юридическая категория отражает необходимое соотношение правовых норм и процессуальной деятельности, целей уголовного процесса и средств их достижения, видится наиболее точным. Значение процессуальных гарантий – в создании необходимых правовых предписаний и обеспечении их непосредственной реализации. *Процессуальные гарантии, полагаем, являются функциональным понятием, представляющим собой систему, установленных процессуальным законом и иными нормативными актами средств и способов, направленных на осуществление задач правосудия.*

Исследование различных вопросов уголовно-процессуальных гарантий направлено на повышение эффективности системы судопроизводства. Эффективность правосудия зависит от того, насколько точно и реально определены в законе его цели. Как справедливо отмечалось, количественно она определяется степенью приближения достигнутого уровня осуществления правосудия к его целям¹⁴. При исследовании эффективности правосудия процессуальные нормы и процессуальная деятельность традиционно изучались в тесном взаимодействии. Так, П. Ф. Пашкевич считал одним из важнейших условий эффективности уголовного судопроизводства оптимальное соотношение закона (т.е. правовых норм. – А. А.) и судебного усмотрения¹⁵ (способа их реализации, выбора наиболее эффективной нормы. – А. А.). А. Д. Бойков полагал, что имеются все основания для разграничения целей и дифференциации изучения процессуального права и процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальное право призвано создать правовой режим, который в наибольшей степени содействует решению задач уголовного судопроизводства¹⁶.

В науке также была обоснована зависимость эффективности правосудия от того, достаточно ли процессуальных и иных гарантий для достижения целей правосудия¹⁷. Из этого справедливо заключалось, что, внося изменения в гарантии правосудия, можно добиться того, чтобы при наименьшей затрате сил и средств максимально приблизиться к достижению целей правосудия¹⁸.

Учитывая, что понятие гарантии образует взаимосвязь законодательных положений и правоприменительной деятельности, думается, правильным будет определять эффективность правосудия как *меру реализации гарантий*. Представляется важной взаимосвязь между про-

¹⁴ См.: Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. М., 1975. Т. 1. С. 21–22.

¹⁵ См.: Пашкевич П. Ф. Уголовно-процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 29–30; см. также: Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 28.

¹⁶ См.: Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 173.

¹⁷ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Т. 1. С. 21–22.

¹⁸ Анашкин Г. З., Петрухин И. Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Сов. государство и право. 1968. № 8. С. 60.

цессуальными гарантиями и эффективностью уголовно-процессуальной, главным образом судебной, деятельности. Нам также кажется плодотворной идея о том, что критерии и гарантии эффективности правосудия, рассматриваемые как единая система под функциональным углом зрения, могут послужить предметом новой комплексной отрасли исследования – учения об эффективности правосудия¹⁹.

Сущность эффективного правосудия, полагаем, может быть сформулирована как достижение истины по делу при соблюдении прав и законных интересов лиц, участвующих в судопроизводстве (прежде всего, обвиняемого и потерпевшего). С точки зрения социального назначения уголовной юстиции, правосудие эффективно, если уголовно-процессуальный конфликт разрешен правильно. На наш взгляд, следует выделять два рода конфликтов: 1) между сторонами (основной конфликт, обусловленный сущностью судебного процесса); 2) между интересами судопроизводства (публичными интересами) и интересами личности (частными интересами). Развивая это положение, отметим, что эффективным правосудие может считаться в том случае, когда: 1) соблюдается баланс интересов государства и личности; 2) соблюдается баланс интересов обвиняемого и потерпевшего. Именно с этих позиций следует оценивать эффективность правосудия и анализировать его гарантии. Поэтому правильнее говорить не о «гарантиях правосудия», а о «гарантиях эффективного правосудия», с учетом оценки его качества. Абсолютно эффективным является правосудие, в равной степени способное установить истину и защитить права личности. Как точно писал М. М. Выдря, эффективность судебной деятельности находится в прямой зависимости от соблюдения прав и законных интересов граждан²⁰. В этом смысле гарантии эффективного правосудия, безусловно, включают гарантии прав личности.

2011. № 2

Нельзя не отметить, что сегодня на смену так называемой «ортодоксальности» советского правового мышления, основанного на концепции единства интересов личности и государства, приходит иная научная установка, ориентированная на противоположную крайность. Гипертрофированное внимание стало уделяться процессуальным гарантиям прав личности в ущерб

¹⁹ См.: *Петрухин И. Л.* Социологический метод исследования эффективности правосудия // Сов. юстиция. 1971. № 4. С. 10. В этом же направлении – создание комплексной науки о правосудии – высказывался в свое время А. С. Тагер, который в работе «О предмете и пределах науки об уголовном суде», опубликованной в 1924 г., предлагал исследовать правосудие в нескольких направлениях: 1) выявление качеств, необходимых для выполнения процессуальной деятельности; 2) исследование влияния различных процессуальных институтов на эффективность и беспристрастность судей: сопоставление единоличного и коллегиального суда, ценность презумпции невиновности «как метода работы судьи», влияние необходимости письменной мотивировки приговора на его содержание и др.; 3) исследование иных влияний, к примеру долговременного опыта работы в профессии... (цит. по: *Карнозова Л. М.* Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. М., 2004. С. 13).

²⁰ См.: *Выдря М. М.* Уголовно-процессуальные гарантии в суде. Краснодар, 1980. С. 8.

гарантиям правосудия. «Уголовное право – это меч в руках государства, а уголовный процесс – щит, которым закрывается обвиняемый»²¹. Характерно, что под гарантиями прав личности понимаются, в первую очередь, гарантии обвиняемого (подсудимого). Потерпевший невольно превращается во второ-степенную процессуальную фигуру, что никак не соответствует назначению уголовного судопроизводства: в соответствии со структурой ст. 6 УПК РФ основная цель уголовного процесса – защита потерпевших. На безусловную важность обеспечения интересов потерпевшего обращается внимание во многих международно-правовых актах. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» прямо указывает на необходимость содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв преступлений. В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» подчеркивается, что важными функциями уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию. Не является ли в связи с этим понимание процессуальных гарантий личности исключительно как гарантий прав обвиняемого слишком узким и односторонним?

Что касается взаимосвязи критериев эффективности правосудия и процессуальных гарантий, то применительно к общему порядку судопроизводства она видится нам следующим образом:

Критерии эффективности правосудия	Процессуальные гарантии (нормативный аспект – УПК РФ)
1. Правильное разрешение дела (установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию)	Основные: а) ст. 7, 15, 17; гл. 10, 11; ст. 235, 237, 274–290, 294; б) ст. 61–65 УПК РФ. Дополнительные: а) ст. 297–302; б) ст. 369, 379–383, 409, 413 УПК РФ
2. Соблюдение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле	Основные: ст. 6, 6.1, 9, 11, 14–16, 18, 240–252, 265–272; гл. 37, 38; ст. 309–313 УПК РФ. Дополнительные: ст. 369, 379–383 УПК РФ
3. Возмещение ущерба, причиненного преступлением	Пункт 4 ч. 1 ст. 73; п. 10 ч. 1 ст. 299, ч. 1–2 ст. 309 УПК РФ
4. Принятие мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений	Часть 4 ст. 29 УПК РФ

²¹ Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 42.

В качестве пояснения заметим, что в данном случае мы придерживаемся общепринятой классификации критериев эффективности правосудия, изложенной в ряде научных работ²². Критерии определяются, исходя из целей правосудия. В связи с тем, что одной из них, по УПК РСФСР, являлось воспитательное воздействие судопроизводства («воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважение правил социалистического общежития» – ст. 2 УПК РСФСР), оно также рассматривалось в качестве критерия правосудия. По нашему мнению, и в нынешнем УПК желательным было бы наличие указания на воспитательное воздействие уголовного процесса, хотя бы из соображений повышения социальной роли судей в их собственных глазах. В то же время трудно определить корреляцию между эффективностью правосудия и его воспитательным воздействием – слишком велика психологическая составляющая в оценке достижения данной цели. Поэтому мы не склонны считать воспитательное воздействие правосудия одним из критериев его эффективности.

Правосудие в узком смысле – сфера судебной деятельности. В связи с этим необходимо указать на два обстоятельства. Во-первых, деятельность судьи включает в себя помимо правосудия (основной функции) судебный контроль. Во-вторых, эффективность правосудия недопустимо сводить исключительно к деятельности, осуществляемой судьей, поскольку другие участники судопроизводства имеют возможности процессуального воздействия на нее. Причем участники уголовного процесса могут как содействовать судье в установлении фактических обстоятельств дела, достижении целей правосудия, так и, напротив, сознательно противодействовать судье, что нередко имеет место. Не следует забывать, что зачастую и сами судьи прямо злоупотребляют своими процессуальными правами, нарушая порядок исследования доказательств, правила производства судебных действий и т.п.

И все же, оценивая эффективность судебной деятельности, нужно учитывать способность разрешения судом конфликтов, возникающих в ситуациях противодействия со стороны других участников процесса. Под противодействием мы понимаем злоупотребление процессуальными правами, когда сторонами нарушаются пределы защиты законных интересов. Обеспечивая состязательность, суд должен способствовать тому, чтобы стороны могли реализовать свои права, но при этом не злоупотребляли ими.

Итак, гарантии правосудия – это, по существу, гарантии эффективного правосудия, которое зависит, главным образом, от эффективности судебной деятельности. Эффективность есть степень достижения целей. «Цели правосудия и охраняемые в результате их достижения ценности выступают в качестве интегрирующего систему судопроизводства и его гарантий, состоящую из совокупности связанных и взаимодействующих элементов»²³.

---

²² См., например: *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 61–64.

²³ Там же. С. 50.

В контексте обозначенной проблематики наиболее принципиальным является вопрос о том, есть ли необходимость наряду с целями правосудия выделять и цели судебной деятельности? Отсутствие самостоятельного интереса дает основания считать цели деятельности судьи в уголовном судопроизводстве соответствующими целям правосудия (в то время как по отношению к сторонам обвинения и защиты подобное утверждение неприемлемо). При этом объем его дискреционных полномочий (при определении меры наказания, при рассмотрении ходатайств и т.д.) таков, что степень достижения целей правосудия может пониматься неодинаково самим судьей и другими участниками процесса. В случае, если поданная кем-либо из участников процесса жалоба удовлетворяется судом вышестоящей инстанции, формально можно говорить о том, что действия судьи не соответствовали целям правосудия. Эффективность деятельности других участников судопроизводства, в свою очередь, оказывает влияние на эффективность кассационного (апелляционного, надзорного) реагирования. Равным образом уместно говорить об эффективности самой судебной деятельности в контрольных стадиях судопроизводства (достоинство средств выяснения правосудности решения и его исправления в случае выявления нарушений, связанность/несвязанность доводами, жалобами и т.д.). Например, коллегиальный порядок рассмотрения дел в кассационной (надзорной) инстанции следует рассматривать как усиление процессуальных гарантий эффективности судебной деятельности. В то же время не все процессуальные гарантии практически реализуемы при рассмотрении дела вышестоящим судом. Так, непосредственное исследование доказательств может быть объективно невозможно по причине смерти свидетеля (потерпевшего, подсудимого), ввиду отсутствия вещественных доказательств (повреждения, уничтожения) и т.д.

И. Б. Михайловская полагает, что цель уголовного судопроизводства может рассматриваться на уровне конечного результата, который полезен для общества в целом, и на уровне результата, который может быть достигнут при рассмотрении конкретного уголовного дела. В первом случае он выражается в разрешении конфликта между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества, во втором – в достижении истины²⁴. Позволим себе выразить сомнение в методологической обоснованности разделения целей судопроизводства. Правильность разрешения конфликта значима для каждого дела. Что касается достижения или недостижения истины, то по количеству ошибочных приговоров можно судить об эффективности судебной системы в целом. Общество заинтересовано в качественном отправлении правосудия. Поэтому минимальное количество ошибочных решений является социально полезным результатом: доверие к суду повышается.

Правильному определению целей судебной деятельности будет способствовать раскрытие в УПК РФ сущности процессуальной функции су-

---

²⁴ См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 36.

дья. Пока же в определении цели судебной деятельности основное внимание, думается, следует уделять деонтологии. Нравственные основы деятельности суда выступают в качестве морально-этического фактора обеспечения эффективности правосудия²⁵.

Средства и способы достижения целей правосудия имеют в своей основе установленные процессуальным законом (1) *дозволения*, следствием которых является вариативность действий судьи в рамках процессуальной формы; а также (2) *требования и ограничения*, существенное нарушение которых влечет: а) утрату доказательственного значения установленных фактов; б) признание судебного решения недействительным; в) вынесение в адрес судьи частного определения вышестоящей инстанцией; г) привлечение судьи к дисциплинарной ответственности.

Процессуальным средством, обеспечивающим эффективность судебной деятельности, является, например, право судьи назначать экспертизу по собственной инициативе (ст. 283 УПК РФ). В результате проведения экспертизы могут быть устранены имеющиеся в деле противоречия, получены недостающие доказательства и таким образом возрастет вероятность вынесения объективного решения. Не меньшую роль в повышении качества правосудия играют процессуальные средства ограничительного характера. Скажем, если в ходе судопроизводства было проведено несколько экспертиз и между ними имеются противоречия, суд не вправе самостоятельно устранить их. В противном случае приговор может быть отменен, так как объективность судебного решения справедливо ставится под сомнение. Суду надлежит дать оценку каждому экспертному заключению в совокупности с другими доказательствами по делу и привести мотивы, по которым суд согласился с одним из них и отверг другие²⁶. Как средства-дозволения следует рассматривать предусмотренные УПК РФ полномочия судьи по использованию мер процессуального воздействия за нарушение порядка в судебном заседании. Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что положения ст. 258 УПК РФ носят диспозитивный характер.

По делу Т. приговор был отменен в связи с тем, что, несмотря на неоднократные, систематические нарушения адвокатом требований ст. 335 УПК, председательствующий не принял всех мер, в частности, предусмотренных ст. 258 УПК, для обеспечения порядка в судебном заседании, ограничиваясь каждый раз замечаниями в адрес адвоката, а в напутственном слове не напомнил присяжным заседателям о всех противоречащих закону действиях и высказываниях адвоката, что повлияло на формирование мнения присяжных заседателей при вынесении ими вердикта²⁷.

---

²⁵ См.: *Сенякин Н. Н.* Нравственно-этические основы осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации : автореф. дис. .... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8.

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

²⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. № 19-О-04-6сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. С. 16.

Из изложенного следует, что понятие «гарантии правосудия» требует, на наш взгляд, уточнения. Сами нормы ничего не гарантируют. Более того, недостатки правоприменения не всегда порождены несовершенствами законодательства²⁸. В уголовно-процессуальной науке издавна существует убеждение в том, для общества выгоднее «иметь плохие процессуальные законы и хороших судей, чем иметь образцовый кодекс в руках у плохих судей»²⁹. Необходимо оценивать качество не только норм и институтов, но и всего механизма уголовно-процессуального регулирования с точки зрения его эффективности. Нам близка мысль о том, что о совершенстве правовых норм и о достаточности условий для их реализации можно судить на основе анализа правоотношений, возникающих от действия нормы права³⁰.

В УПК РФ, как нам представляется, не находит достаточной регламентации деятельность судьи и других участников процесса, связанная с оценкой доказательств. В настоящее время объем обобщений судебной практики и количество научно-практической литературы по вопросам доказывания (главным образом, о допустимости доказательств) вполне позволяют выработать Правила доказывания, аналогичные Федеральным правилам о доказательствах (Federal rules of evidence), действующим в США. В тексте данных Правил указывается, что они должны пониматься как «обеспечивающие беспристрастность при отправлении правосудия, исключающие неоправданные материальные затраты и задержку судопроизводства, а также содействующие наиболее полному развитию норм доказательственного права, в целях установления истины и обеспечения справедливости судебного разбирательства»³¹. О необходимости создания такого документа свидетельствует противоречивая практика рассмотрения ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Особенно актуальным остается вопрос об исключение доказательств по собственной инициативе³². Поэтому разработка правил допустимости доказательств стала бы существенной гарантией правосудия.

С учетом всего сказанного процессуальные гарантии правосудия, думается, правильно рассматривать как *процессуальные гарантии эффективности деятельности судьи*.

²⁸ См., к примеру: *Савицкий В.* Роль практики в развитии и совершенствовании демократических основ советского правосудия // Соц. законность. 1967. № 4. С. 22–23; *Анашкин Г. З., Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 60; *Тамаш Андраш.* Судья и общество. Диалектика правосознания и правоприменения: пер. с венг. М., 1980. С. 84.

²⁹ См.: *Михайловский И. В.* К вопросу об уголовном суде. Нежин, 1899. С. 8–55.

³⁰ См.: *Маркина Е. А.* Указ. соч. С. 25.

³¹ Federal Rules of Evidence. Rule 102. URL: <http://www.uscourts.gov/rules/EV2009.pdf>.

³² См.: *Дикарев И.* Признание доказательств недопустимыми по инициативе суда // Законность. 2007. № 3. С. 14–15; *Меринов Э.* Правомерна ли активность суда в решении вопроса о допустимости доказательств? // Законность. 2006. № 3. С. 35–37; *Кучко В. Г., Белоковильский М. С.* Спорные вопросы проверки и оценки судом первой инстанции допустимости доказательств на стадии судебного разбирательства // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 53–56; и др.

Процессуальные гарантии эффективности судебной деятельности – это, во-первых, нормы УПК РФ в своем единстве с нормами других законов, Конституции РФ, положениями международно-правовых актов, процессуально-этическими нормами (Кодекс судейской этики); во-вторых, правоприменительная деятельность судей. Отдельно взятые нормы не могут считаться гарантиями, если они не действуют, не получают надлежащей реализации или искажаются в судебной практике. Именно практика показывает, насколько необходима корректировка существующих процессуальных гарантий, а равным образом и введение новых.

Изучение эффективности судебной деятельности и ее процессуальных гарантий может проводиться на уровне конкретных видов судопроизводств. Особый интерес представляет реализация процессуальных гарантий эффективности судебной деятельности в производстве с участием присяжных заседателей и при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ), так как в данных процессуальных формах ограничены дискреционные полномочия суда.

Упрощенный порядок судебного разбирательства, имеющий место при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, сводит к минимуму процессуальные возможности судьи; вопрос об обоснованности судебного решения снимается законодателем. Судья не исследует доказательства, его процессуальное положение здесь в наибольшей степени соответствует роли посредника между сторонами. Таким образом, говорить об эффективности судебного решения правомерно лишь применительно к соблюдению процессуального регламента и определению размера наказания, верхний порог которого определен в УПК РФ.

В производстве с участием присяжных заседателей эффективность судебной деятельности должна оцениваться относительно таких процессуальных действий, как напутственное слово председательствующего³³, постановка вопросов присяжным, роспуск коллегии присяжных в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 338 УПК, и т.д.

По делу П. одним из оснований отмены приговора явилось то, что председательствующий не разъяснил присяжным заседателям в своем напутственном слове, что они не должны принимать во внимание высказывания подсудимого о применении к нему незаконных методов следствия, поскольку

---

³³ Примечательно мнение А. Ф. Кони относительно содержания напутственного слова председательствующего. «Правильно понимающий свои обязанности председатель не только может, – писал он, – но в известных случаях, обусловленных составом присяжных, неравенством сил сторон или способом установления на суде того или другого доказательства, обязан высказать присяжным свое мнение об относительной силе каждого из главнейших доказательств» (цит. по: *Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах.* Тула, 2000. С. 450). Н. А. Развейкина указывает на целесообразность передачи текста напутственного слова присяжным в совещательную комнату (см.: *Развейкина Н. А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты то него : дис. ... канд. юрид. наук.* Самара, 2007. С. 171).

это обстоятельство было проверено и признано не соответствующим действительности³⁴.

Отдельно следует отметить деятельность судьи, связанную с исключением доказательств, при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, например использование правила о несправедливом предубеждении (*unfair prejudice*). Суть данного правила, заимствованного из уголовного процесса США и Великобритании, заключается в том, что доказательство может быть исключено, если его доказательственная ценность значительно перевешивается опасностью несправедливого предубеждения, т.е. доказательство может повлиять на объективность и беспристрастность присяжных.

По делу П. и Ф., рассматривавшемуся в Ростовском областном суде, государственный обвинитель в ходе судебного разбирательства заявил ходатайство о предоставлении присяжным заседателям возможности ознакомиться с фотографиями, приобщенными к протоколу осмотра места происшествия, на которых запечатлен труп потерпевшего со следами насилия. Ходатайство государственного обвинителя было отклонено судьей, поскольку *доказательственная значимость этих фотографий, существенно превышает опасность психологического воздействия на присяжных при вынесении ими вердикта*³⁵.

Исследование процессуальных гарантий эффективности судебной деятельности включает в себе достаточно объективно выраженную диалектику теоретического и практического: чем разработаннее методологические аспекты исследования, тем более ценными могут быть практические рекомендации уголовно-процессуальной науки. «...Деятельность суда... должна находиться под сильным влиянием науки права, в особенности, если суд сталкивается с пробелами в законодательстве. Суд восполняет эти пробелы, обращаясь к науке, посредством юридического мышления»³⁶. Не случайно как одна из важнейших сторон судебной реформы расценивается формирование научно-правового сознания судей, которое будет способствовать формированию нового менталитета судьи³⁷. Повышение качества уголовно-процессуальной деятельности, и в первую очередь правосудия, – главная задача уголовно-процессуальной науки, направленной на решение проблем в сфере судопроизводства.

Теория эффективности правосудия в перспективе может быть положена в основу прикладной науки, направленной на рационализацию судебной деятельности – *судебной праксиологии*, которая должна изучать

---

³⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2003 г. № 15-003-25спр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. С. 24.

³⁵ Цит. по: *Золотых В. В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999. С. 221.

³⁶ *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 135.

³⁷ См.: *Аверин А. В.* Судебное применения и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 6, 7, 15.

механизм реализации гарантий эффективности судебной деятельности, в том числе гарантий процессуальных. В изучении проблемы результативности права (действенности гарантий эффективности судебной деятельности) акцент, очевидно, должен смещаться на правоприменительную деятельность. В связи с этим теоретики права отмечают необходимость интенсификации исследований процесса реализации права, разработки целостной научной концепции *правореализационного механизма*, которая должна быть сориентирована на выявление факторов повышения эффективности судебной практики³⁸. При этом необходимо учитывать внеправовые факторы, которые нередко порождают недостатки правоприменения (профессионализм судей, их психологическая совместимость, загруженность работой и т.д.).

В качестве одного из направлений судебной праксиологии можно рассматривать систематизацию и классификацию судебных ошибок в целях их дальнейшего изучения. Выявление причины судебных ошибок и есть в конечном счете исследование отдельных звеньев системы гарантий правосудия с точки зрения их влияния на эффективность судопроизводства³⁹. Полагаем, что систематизация судебных ошибок должна дифференцированно проводиться на уровне каждого вида судопроизводства по конкретным (в особенности процессуальным) нарушениям с последующим обобщением в рамках системы правосудия в целом.

---

³⁸ См.: Шундиков К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 30.

³⁹ См.: Петрухин И. Л. Причины судебных ошибок // Сов. государство и право. 1970. № 5. С. 100 ; Анашкин Г. З., Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 60.

Воронежский государственный университет

Астафьев А. Ю., преподаватель кафедры уголовного процесса

E-mail: wolfgam@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-02

Voronezh State University

Astafyev A. Y., Lecturer of the Criminal Process Department

E-mail: wolfgam@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-02